

К 63 344
29

в краеведении
и

**ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКОЕ
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО**

ст 2063

Т Р У Д Ы

Выпуск 18

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

ЕВГ. ДЮБЮК — Материалы и истории русской фабрики и рабочего класса в XVIII и XIX ст.

Г. ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ
Государственная Типография № 12
1929

И з д а н и е
Переславль-Залесского Научно-Просветительного О-ва

ЕВГ. ДЮБЮК.

Материалы к истории русской фабрики и рабочего класса в XVIII и XIX ст.

В ы п у с к 1-й.

СОДЕРЖАНИЕ: К вопросу о практическом значении работных регул регламента суконным фабрикам 1741 г.—Извещение о командировании сенатора Аршеневского для освидетельствования мануфактур (1811 г.)— Дело о заговоре мастеровых Гусевского завода Мальцова в 1838 году.— Калязинские крепостные мастерки—фабриканты (1837—1850 гг.).—К истории медицинской помощи в Иваново-Вознесенском фабричном районе (1843 г.).—Волнение среди рабочих фабрики Гарелина в селе Иванове в 1848 г.—Фабрика Попова в г. Шуе в конце 40-х годов 19 столетия.

(Печатано на средства автора).

Г. ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ
Государственная Типография № 12
1929

I. К вопросу о практическом значении работных регул регламента суконным фабрикам 1741 г.

Семевский отрицал за „работными регулами мастеровым и работным людям“ известного „Регламента суконным и каразейным фабрикам“, изданного в 1741 г., всякое практическое значение. „Он (регламент) остался без всякого влияния на положение суконщиков; это следует заключить, во первых, из того, что все указы, составленные в царствование Иоанна Антоновича, считались несуществующими при Елизавете Петровне; во вторых, из совершенного отсутствия ссылок на него официальных учреждений во всех делах о суконных фабриках и суконщиках, возникавших после его составления (мы встретили ссылку на него только в одной челобитной (1749 г.) мастеровых большой Московской суконной фабрики Болотина и К^о Госуд. арх. XIX № 384, л. 48 об.)—и, наконец, из того, что в царствование Екатерины II упоминаются, как действующие законы, такие постановления, которые были изменены последним; так например, рабочая плата суконщикам на фабриках, обязанных поставкою сукон, согласуется еще во второй половине 1760-х годов с правилами указа, данного из мануфактур-коллегии в 1723 году, а не суконным регламентом. Но если постановления этого регламента и не применялись на деле, то все таки мы можем извлечь из него не мало интересных данных, рисующих положение суконщиков“*).

Сходного мнения держался и Туган-Барановский. Так, упоминая о регулах на стр. 25-й „Русской фабрики, он говорит, что изданы они были при Анне Леопольдовне и не получили поэтому законной силы в последующие царствования. Далее (на стр. 26) он повторяет: „эти регулы, как сказано, не получили законной силы и никакого практического значения не имели“.

В такой категорической форме это положение едва ли может быть принято.

Пажитнов, подвергнувший, на основании архивных изысканий пересмотру приведенное мнение Туган-Барановского (и Семевского, на которого последний опирался), пришел к определенному выводу, что „мнение Семевского и Туган-Барановского о том, будто бы регламент 1741 г. не имел законной силы, не находит себе подтверждения“. Елизаветой закон этот отменен не был; еще в 1802 г., при рассмотрении известного дела Осокина, прокурор Силишин в своем заключении определенно указал, что указ 2 сентября 1741 г. не отменен, при чем указание это не было опровергнуто ни в мануфактур-коллегии, ни в министерстве внутренних дел, ни в сенате. „Таким образом, юридическую силу этого акта можно считать прочно установленной“**).

*) В. И. Семевский. Крестьяне в царствование им-цы Екатерины II, т. I, 1903 г., стр. 547.

***) К. Пажитнов. О регламенте и работных регулах суконным и каразейным фабрикам. Труд в России. 1925 г. кн. I-я, стр. 216.

По мнению Пажитнова, труднее разрешить вопрос о практическом значении регламента 1741 г.: „Положение этого законодательного акта действительно очень странное: он не отменялся распоряжением верховной власти, но вместе с тем и не получил надлежащего распространения“, вследствие, как думает Пажитнов, резко отрицательной позиции, занятой по отношению к нему Московскими суконными фабрикантами. „Тем не менее, нельзя все таки сказать, что регламент и работные регулы не имели никакого практического значения. Слух об этом законе какими то путями доходил до рабочих и заставлял их не раз волноваться. Так, жалуюсь в 1749 г. в Сенат на разрешение мануфактур-коллегии Болотину с товарищами употреблять на Большом Суконном дворе в Москве дочерей, жен и вдов рабочих, „праздно живущих при фабрике“, рабочие этой фабрики указывали на противоречие этого разрешения регламенту 2 сентября 1741 г.; а в начале XIX ст. тот же регламент помог рабочим суконной фабрики Осокина отстаивать право женщин на добровольное участие в фабричной работе*).

Заканчивая свою статью, Пажитнов выражает надежду, что, может быть, „дальнейшее изучение архивов еще более расширит этот материал“, устанавливающий практическое значение регламента и работных регул 1741 года.

Вполне разделяя мнение Пажитнова о необходимости дальнейших архивных изысканий (и не только в центральных столичных, но и в провинциальных архивах), мы хотели бы в нашей заметке познакомить читателя с некоторыми материалами, добытыми нами по вопросу о практическом значении регламента и-регул 1741 года, позволяющими, как нам кажется, с известным основанием утверждать, что регламент и регулы действительно применялись, и не только непосредственно после их издания, но и почти 80 лет спустя**). Более того, найденные нами материалы дают право установить, что регулы 1741 г. применялись не только в суконной промышленности, но и за ее пределами. Более того, найденные нами материалы дают право установить, что регулы 1741 г. применялись не только в суконной промышленности, но и на полотняных фабриках.

Как кажется, первым высказавшимся за известное значение (хотя бы в смысле отображения в нем фабричных порядков) регламента 1741 г. для крупной промышленности вообще (а не одной суконной) был А. Ф. Грязнов, составитель обширного и чрезвычайно ценного для истории русской фабричной промышленности труда: „Ярославская большая мануфактура за время с 1722 по 1856“. (М. 1910). „Что же касается—говорит он (стр. 172)— в частности до мануфактуры Затрапезных, то о внутренних порядках на ней можно судить по „Регламенту суконным и каразейным фабрикам“, составленному и изданному правительством в 1741 г... Несмотря на то, что „регламент“ этот, как видно из его заглавия, предназначался для фабрик суконных и каразейных, т. е. шерстообрабатывающих, тем не менее он может и должен считаться достаточно точно изображающим порядки и на полотняной мануфактуре Затрапезновых, во 1) потому, что „Регламент“ составлялся принимая во внимание порядки, существовавшие в то время на русских текстильных фабриках; а так как среди этих фабрик Ярославская мануфактура занимала одно из первых мест, то, само со-

*) К. Пажитнов. О регламенте и работных регулах суконным и каразейным фабрикам. Труд в России. 1925 г. кн. 1-я, стр. 216—217.

**) Впервые материалы эти были опубликованы нами в работе „Полотняная промышленность Костромского края во второй половине XVIII и первой половине XIX века“ (Труды Костромского Научного Об-ва. Выпуск 33-й, Кострома 1921, стр. 64—67). В дальнейшем в предлагаемой заметке мы и следуем указанной работе.

бою разумеется, что она не могла быть обойденной при собирании материалов для его составления и, следовательно, существовавшие на ней распорядки должны были найти свое отражение в „Регламенте“, а во 2), и это главное, потому что... Ярославская мануфактура Затрапезновых, кроме льна, обрабатывала также и шерсть, вырабатывая из шерсти сукна, каразей и каламенки. Отсюда следует, что „Регламент“ действительно можно считать выразителем порядков Ярославской мануфактуры Затрапезновых*.

В приведенной выдержке для нас важна мысль, что „регламент“ отразил в себе не только распорядки, бывшие в суконной промышленности, но и вообще внутренние условия текстильной промышленности, в частности условия Ярославской мануфактуры, одной из старейших и крупнейших полотняных фабрик. Так оно и должно было быть в действительности. В общем положение рабочих суконщиков должно было быть, по крайней мере в наиболее существенном, сходным с положением рабочих других отраслей промышленности, особенно если те и другие, как это было, например, в мануфактуре Затрапезновых, работали в пределах одного и того же предприятия, может быть, бок о бок. Длина и распределение рабочего дня, время и порядок выдачи заработной платы, штрафы и вычеты за прогулы и порчу материалов, кары за непослушание и проч., несомненно должны были быть сходными. Но если это справедливо, если „Регламент“ отразил условия вообще текстильной промышленности, он имел шансы фактически применяться далеко за пределами одного суконного производства, для которого назначался, и мог иметь значение не только для Ярославской мануфактуры Затрапезновых, но, вероятно, и для целого ряда других полотняных фабрик XVIII в., возникших после Затрапезновской фабрики и, несомненно, заимствовавших многое от этой фабрики. С этой точки зрения являются далеко не безнадежным делом попытки искать следы применения регламента и регул 1741 г. также и за пределами суконного производства, особенно в близких к нему отраслях текстильной промышленности.

Подтверждением правильности приведенной мысли могут служить сведения, найденные нами в одном из дел министерства юстиции о брожении рабочих на полотняной фабрике купца Угличанинова в Костроме в 1818 г.*). В июне этого года пятеро фабричных крестьян Угличанинова явились к Костромскому губернатору с жалобой на фабриканта. По существу жалобы фабричных сводились к указанию на низкую заработную плату, недостаточную для пропитания по сравнению с платой на других костромских фабриках и затем на употребление их на разного рода бесплатные работы, не относящиеся, по их словам, к их прямым обязанностям. Были затребованы от Угличанинова объяснения по поводу принесенных жалоб. В этих объяснениях фабрикант (Угличанинов) делает ссылки на „рабочие регулы“. Так, по поводу наряда фабричных на очередные караулы при фабриках и днем и ночью, фабрикант, между прочим, пишет: „караульных и днем и ночью при фабриках и для всяких случаев велено иметь без особой платы по регулам для мастеровых и рабочих людей; сими регулами руководствуясь с существованием фабрик, и наряжаются в караул из фабричных поочередно“. В другом месте, по поводу удерживания у рабочих части заработанных денег, Угличанинов поясняет, что эти удержания производятся согласно 10-му пункту рабочих регул. Наконец, в том же деле говорится, что Костромской губернатор предписал „просителям и прочим фабричным людям внушить внятным образом правила, в рабочих регулах начертанные, кои они неотменно должны исполнять

*) Костромской Губархив. Сенатские дела, переданные в Костр. губ. уч. арх. комиссию. Дело № 539 „по пршении Костромского фабриканта Петра Угличанинова фабричного Максимова 1818 г.“ (на 23 листах).

беспрекословно и во всей точности, а равным образом не оставит полиция и наказание просителей за напрасную их на содержателя фабрики жалобу предоставить сообразно 7 и 8 пунктов тех же регул на волю фабриканта*.

Из приведенного видно, что ссылки на регулы делаются и фабрикантом и властями (губернатором), при чем речь идет о таких регулах, которые должны исполняться „беспрекословно и во всей точности“. Но что это за регулы, применявшиеся на полотняной фабрике Углечанинова в 1818 г. и в каком соотношении они находятся с регулами из Регламента суконным фабрикам 1741 г.?

Прежде всего из сделанных выдержек ясно, что речь идет о регулах, которыми Углечаниновская фабрика руководствовалась с самого ее существования. Мы знаем, что возникла эта фабрика в 1751 г. Значит, имеются в виду регулы, изданные до 1751 г. Сопоставление, далее, приведенных выше ссылок на регулы с содержанием самих регул 1741 г. не оставляют сомнения в том, что действительно на полотняной фабрике Углечанинова в Костроме еще в первой четверти XIX века применялись: или регулы Регламента 1741 г. или же какие то другие регулы, пока еще неизвестные исторической науке, но до совпадения близкие по содержанию к регулам 1741 г. и изданные во всяком случае до 1751 г.

В самом деле, обратимся к ссылкам на регулы в объяснении фабриканта.

Первая ссылка на регулы делается по поводу бесплатного караула фабричных при фабриках. В регулах 1741 г.*) имеется действительно соответствующий пункт— это пункт 3-й „о вседневном дневании и готовности в пожарном случае“; гласящий, что „всяк из надзирателей мастеровых и работных людей должен, когда его очередь будет по учиненному разделению фабричного содержателя, не токмо известно денно и ночью дневанья исправлять, но воскресные предпраздничные дни большим числом чрезвычайно дневать“, также обязаны были все рабочие являться на тушение пожаров на фабрике и близь нее— и только за это участие в тушении пожаров они могли ожидать от фабриканта „некоторого награждения по усмотрению“. За самое же дневание платы не устанавливалось.

Вторая ссылка на регулы по поводу удержания части заработка у фабричных прямо называет 10-й пункт их, и, если мы заглянем в регулы, то увидим, что как раз 10-й пункт трактует об удержании части заработка у рабочих впредь до полного расчета. Наконец, и пункты 7 и 8-й регул, на которые ссылается губернатор, по своему содержанию отвечают 7 и 8 пп. Регул 1741 г.: 7-й пункт говорит „о словесном суде случающихся на их фабриках споров“, а 8-й— „о непослушности и о противностях против фабричного содержателя и других начальников“*)

На основании изложенного нам представлялось возможным (в нашей работе) прийти к выводу, что „работные регулы Регламента суконным фабрикам 1741 г., вопреки Туган-Барановскому, сохраняли свое практическое значение не только в последующие царствования в XVIII в., но даже применялись еще в 20-х г.г. XIX ст., т. е. через 77 лет после их издания, при чем применялись на полотняной фабрике“. Но если это так— писали мы далее—если эти регулы применялись на одной из полотняных Костромских фабрик—на самой крупной из них, то все основания имеются полагать, что те же регулы применялись и на других костромских, а может быть, и за пределами Костромы полотняных фабриках. Углечаниновская фабрика, в качестве первой по времени возникновения в Костроме полот-

*) См. Полн. Собр. Зак., изд. I, т. XI, № 8440.

няной фабрики и как одна из крупнейших фабрик должна была явиться образцом и для других полотняных фабрик Костромского района, возникших после нее. Более того: возможно, что этими же регулами регулировалась вообще вся текстильная промышленность, условия которой, как это отмечает цитированный нами составитель исторического очерка Ярославской Большой мануфактуры, А. Ф. Грязнов, отразились в самих регулах".

В заключение следует добавить, что в работе Н. В. Ильинского: „К истории села Леденгского (Тотемский уезд)“, изданной в 1921 г. Северосюзом, имеются указания со ссылками на подтверждения местных старожилов, что на Леденгском солеваренном заводе также применялись рабочие регулы регламенте 1741 г. „Эти регулы—говорит Ильинский (стр. 15-16)—конечно, понимались начальниками по своему, и последние допускали много злоупотреблений. Например, считали „непослушанием“ лишний удар кнута по лошади дровосека, простое нерасположение к рабочему было поводом к наказанию“.

Сообщение это, о применении регул 1741 г. на соляном заводе, может быть, нуждается в проверке. Но если оно справедливо, сфера применения закона, выработанного для отдельной отрасли промышленности и казавшегося забытым, неожиданно расширяется, и самый закон, в смысле его практического значения, должен представиться совсем в ином свете, чем представлялся он Семевскому и Туган-Барановскому. Для окончательного же выяснения этого значения необходимы дальнейшие архивные изыскания, и не в одних делах бывшей мануфактур-коллегии и других центральных учреждений XVIII и первой половины XIX ст., но также и в провинции в архивах местных учреждений и фабричных.

II. Извещение о командировании сенатора Аршеневского для освидетельствования мануфактур (1811 г.)

Копия предложения Ростовской градской полиции из Ярославля от 29 мая 1811 года за подписью князя Михаила Голицына.

„Градская полиция возвестит фабрикантам и заводчикам в г. Ростове, что его имп. велич. благоугодно было поручить г-ну тайному советнику и сенатору Илье Яковлевичу Аршеневскому освидетельствование мануфактурных в государстве всякого рода заведений не так, как ревизору, но в виде попечителя мануфактур. Такое высочайшее поручение делается с тем дабы при ближайшем на месте осмотре открыть точные и существенные каждой фабрики и завода недостатки, узнать их нужды и доставить им немедленно потребное пособие. Фабриканты удостоверятся в том несомненно, и сколь много правительство печется о вспомоществовании им к лучшему устройству их заведений, ибо оно, не ожидая никаких со стороны их представлений и просьб, предупреждает оные своими распоряжениями. В сем благонамеренном попечении своем правительство не только не помышляет о стеснении чем либо содержателей фабрик и заводов или наложении на них обязанностей противу их воли, но, напротив того, оно стремится единственно к тому, чтобы устранять от них все препятствия, чтобы открыть им свободный путь к возможному усовершенствованию заведений своих и к приобретению чрез то самых несомненных важных выгод“. (Из Темеринского архива, хранившегося в Переславль-Залесском Народном музее).

III. Дело о заговоре мастеровых Гусевского завода Мальцова в 1838 году.*)

9 марта 1838 г. Владимирский губернатор получил от управляющего имением камергера Мальцова-Вепрейского— следующее письмо:

„Ваше превосходительство, милостивый государь Иван Еммануилович! На сих днях открыт мною заговор приписных к Гусевской на дворянском, а не на посессионном праве, вверителя моего хрустальной фабрике об отыскивании свободы, и виновные мною представлены суду.

Из приложенного при сем в списке об'яснения временному отделению Меленковского земского суда ваше пр-во изволите усмотреть ход дела, в котором осмеливаюсь просить высоконачальнической защиты и ограждения для спокойствия значительного вверенного мне имения, дабы наказание преступников на месте обуздало своеволие прочих.

Повергаю себя покровительству вашего пр-ва и с глубочайшим высокопочитанием имею счастье быть, ваше пр-во, милостивейший государь, ваш всепокорный слуга Иван Вепрейский“.

Упомянутое в письме „об'яснение“ было следующего содержания (в виду его большого интереса, приводим его полностью):

„Во временное отделение Меленковского земского суда от уполномоченного на распоряжение делами и имением коллежского советника, камергера и кавалера Ивана Сергеевича Мальцова титулярного советника Вепрейского об'яснение.

Сего числа**) оное отделение предписало Гусевской вверителя моего конторе доставить сведения: 1-е. Какие получают мастеровые Гусевской хрустальной фабрики: Разумей Васильев, Иван Николаев, Илья Сергеев, Федор Аристархов, Максимилиан Александров, Федор Морковкин. Семен Васильев, Агафангел Никифоров, Михайла Михайлов Калмыков, Захар Васильев, Иван Федоров, Павел Филиппов, Степан Семенов, Иван Семенов, Петр Николаев, Григорий Ерофеев, Сергей Ерофеев, Василий Никифоров и сын Игнатий, Андрей Ермилов, Гаврила Иванов, Финоген Назаров— за работы платы или содержание. 2-е. Об'яснила бы, что такое значит, почему они именуют себя приписными, а не так как крепостные, нет ли в виду крепостного акта или судебного приговора, по которому они должны принадлежать г. Мальцову; буде есть, приложить копии.

Г. Мальцов, вверяя все свое имение в совершенное мое распоряжение и управление уполномочил меня доверенностью, в копии при сем прилагаемою***), безнравственных людей представлять правительству для отдачи в рекруты и удаления из имения его, буде признано будет нужным.

Исполняя требование сего отделения, честь имею об'яснить: 1-е все люди, употребляемые для работы хрусталя и стекла на 10 фабриках вверителя моего с давних лет, получают задельную плату за каждую обработанную вещь по установленной достаточной таксе; количество заработков зависит от прилежания и тщательности самих мастеровых и сверх того за

*) Дело канцелярии Владимирского губернатора 1838 г. № 320 „по письму управляющего имением камергера Мальцова титулярного советника Вепрейского об открытии им заговора между мастеровыми людьми заводов доверителя его“. Началось 9 марта 1838 г. на 17 листах.

**) Приводимое „об'яснение“ не датировано.

***) В деле этого приложения не имеется.

отличные работы получают награды, для лучшего усмотрения чего представляю здесь ведомость, сколько каждый из вышеписанных мастеров получил жалованья в минувшем году и в январе настоящего года. 2-е. За всех мастеровых приписных и крепостных платятся все государственные подати и повинности. 3-е. Лица женского пола всех мастеровых как взрослые, так и малолетние, ни на какие господские работы не употребляются. 4-е. Для продовольствия себя с семействами имеют огороды, а для содержания скота обильные сенокосы, и многие из них за избытками продают сено. 5-е. Позволено им иметь постоянные дворы для приезжающих и для дроворубов и прочих посторонних рабочих, которых бывает весьма значительное количество. 6-е. Вдовы, сироты и престарелые получают все господское содержание хлебом и деньгами на семейство от 60 до 120 руб. в год. О всех нуждах своих имеют они всегда безозбранные ко мне входы, дама им строятся на господский счет; в действительных нуждах даются им заимообразно деньги вперед—почему всепокорнейше прошу правительство обратить особенное внимание, что мастеровые доверителя моего не только не имеют какие-либо нужды в содержании себя, но всегда находятся в избытке, а как желаньям челства в их классе нет границ, и сии, получая в канторе за работу ежемесячно деньги, имеют оные всегда и часто обращаются в пьянстве. 7-е. Приписные и крепостные на фабричном праве мастеровые достались вверителю моему по наследству, после родителя его, а откуда предки их были, прилагаю копию с ревизской сказки с показанием происхождения всех*); прочие же мастеровые и крестьяне при 10 фабриках, более 3500 душ мужеска пола, совершенно помещицы. 8-е. Из дел канторы видно, что лет 30 тому назад некоторые из приписных начали отыскивать свободы, но решением Меленковского Уездного суда 1805 г. ноября 25 числа и по указу Правительствующего Сената 1808 г. марта 30-го числа оставлены во владении г. Мальцова. Копии с сих актов здесь прилагаются.**). 9-е. Управляя именем камергера Мальцова шестой год, с прискорбием, но со свойственной благосмыслящему человеку кротостью смотрел я на безнравственное состояние большей части людей, именуемых приписными, которые, увлекаясь беспрестанно понятиями о свободе или будучи подстрекаемы неблагонамеренными людьми о непринадлежности г. Мальцову, почасту обращаясь в пьянстве, всегда находятся склонными к неповиновению и грубости, но, стараясь строгою справедливостью и увещанием без телесных наказаний укротить их пороки, взирал на все это с хладнокровием и кротостью, но они, не внимая сему, наконец простерли свою в духе неповиновения дерзость до того, что начали собираться тайно в ночное время, февраля 24 и 27 числ. у мастеровых Разумей Васильева и Семена Васильева, увлекаая за собой и других якобы только для того, чтобы написать ко мне о своих нуждах (главная из них была, что я ввел между ними чиновочитание и заставил слушаться прикащиков), которых они существенно не имели, и, буде мне просьба их не понравится, присягнули стоять за одно и друг друга не выдавать, к чему они прибегать не имели никакого повода, и имея ко мне всегда свободный доступ и удовлетворенье их справедливых нужд, настояще помышляя законопротивный замысл прикрыть благовидною картиною, мнили в отказе моем на голословные их просьбы найти причину к отыскиванию свободы из владения г. на Мальцова; впрочем, выражение их, стоять друг за друга, быть может, скрывает и другое тягчайшее противузаконное умышление, а впрочем, и без сего относится к безначалию и насилию.

Предавая все сие правосудию правительства для охранения вверенного

*) Копия эта в деле отсутствует.

***) К сожалению, эти важные акты в деле не сохранились.

мне имения. осмеливаюсь просить, чтоб вся строгость закона и право владельца к ограждению его собственности на них была употреблена и особенно на Разумей Васильева, Семена Васильева, Василья Никифорова, Илью Сергеева, Захара Васильева, Степана Семенова, Ивана Николаева и Григорья Ерофеева. более всех замеченных мною в злонамеренности и увлечению других, удалением из имения вверителя моего, каковой пример правосудия послужит для других обузданием своевольтва и тем доставлено будет спокойствие и безопасность вверенному мне значительному имению, причем имею честь присовокупить, что Гусевская хрустальная фабрика суть совершенно владельческая, а не на посессионном праве".

К приведенному „объяснению“ был приложен „регистр о получаемом жалованьи“ следующего содержания:

	Получали жалованье:	
	в 1837 г.	в январе 1838 г.
1. Разумей Васильев	389 р. 31 к.	37 р. 80 к.
2. Иван Николаев с хлопцом	423 р. 42 к.	57 р. 35 к.
3. Илья Сергеев	342 р. 51 к.	40 р. 32 к.
4. Семен Васильев с детьми	861 р. 65 к.	80 р. 21 к.
5. Степан Семенов } дворники	802 р. 69 к.	32 р. 21 к.
6. Иван " } (с братом)		(один)
7. Григорий Ерофеев с бр. Сергеем	776 р. 22 к.	77 р. 43 к.
8. Василий Яров с детьми	1594 р. 40 к.	154 р. 88 к.
9. Федор Аристархов	254 р. 97 к.	43 р. 22 к.
10. Федор Морковкин с сыном	643 р. 09 к.	30 р. 58 к.
		(один).
11. Максимилиан Александров	351 р. 43 ¹ / ₂ к.	31 р. 19 к.
12. Агафангел Никифоров	367 р. 51 ¹ / ₂ к.	35 р. 05 к.
13. Михаил Михайлов Колмыков	291 р. — к.	27 р. 25 к.
14. Захар Васильев	276 р. 31 ¹ / ₂ к.	36 р. 25 к.
15. Иван Федоров Калмыков с сыном	649 р. 26 к.	63 р. 93 к.
16. Петр Николаев	341 р. 33 к.	30 р. 45 к.
17. Андрей Ермилов	431 р. 21 ¹ / ₂ к.	30 р. 21 к.*)
18. Гаврила Иванов	284 р. 09 ¹ / ₂ к.	21 р. 47 к.
19. Финоген Назаров с сыном	509 р. 07 ¹ / ₂ к.	32 р. 98 к.
		(сын)**)
20. Павел Филиппов	408 р. 86 к.	37 р. 04 к.

Получив это донесение, губернатор в тот же день, 9 марта, срочно разослал бумаги Меленковским Уездному и Земскому судам: „Поелику,— писал он, земскому суду— о столь важном происшествии я до сего времени не имею от земского суда донесения, то, требуя оногo во всей подробности о обстоятельствах настоящего дела с первою непременною почтою, вместе с тем нужным нахожу предписать земскому суду заняться скорейшим и строгим сего дела исследованием, которым со всей основательностью обнаружить главных виновников и зачинщиков возникших беспорядков и, взяв их под строгий арест, распорядиться о поступлении с ними по законам, а мне с подробностью донести о последующем“. Уездному суду губернатор предписал, когда следствие о возмущении Мальцовских мастеровых поступит из земского суда на рассмотрение уездного суда, „поспешить сколь возможно рассмотрением и окончанием сего дела“. Одновременно (того же 9 марта) губернатор писал к Ивану Васильевичу Вепрейскому:... „Я прошу вас оказывать в том (в обнаружении главных зачинщиков заговора—Е. Д.)

*) „Сверх сего сын учится в шлифовальне на господском содержании“.

***) „Да сверх сего кроме сына с женою на господском содержании и получает в год 170 руб.“.

и с своей стороны суду содействие, а обнаружившихся из числа виновных заключить под стражу только тех, кои окажутся в том главными, ибо значительное заарестование мастеровых не может обещать никакой пользы (кроме большого смущения между народом да и самое помещение тюрьмы не представит удобства*). Я буду ожидать от вас подробных в свое время уведомлений о ходе сего дела и успехе мер, какие в настоящем случае будут приняты земским судом*.

10 марта Меленковский Земский суд послал Владимирскому гражданскому губернатору рапорт „о мастеровых Гусевской г-на Мальцова фабрики, делавших неповиновение своему начальству и прочие поступки“. В этом рапорте говорилось следующее:

„26-го истекшего февраля камергера, коллежского советника и кавалера Ивана Сергеевича Мальцова поверенный Козьма Михайлович Бурншев в поданном в сей суд объявлении объяснил: мастеровые означенного господина Гусевской хрустальной фабрики Иван Николаев, Илья Сергеев, Разумей Васильев, Федор Аристархов, Максимилиан Александров, Федор Морковкин, Семен Васильев, Агафангел Никифоров, Михаил Михайлов, Захар Васильев, Иван Федоров, Павел Филиппов, Степан Семенов с братом, Петр Николаев, Григорий Ерофеев с братом, Игнатий и Гаврила Васильевы Яровы, Андрей Ермилов того февраля с 24 на 25 число около полуночи, собравшись из них к Разумею Васильеву в амбар, состоящий на дворе под навесом у задних ворот, намеревались учинить присягу и подписку, чтобы стоять заодно миром и друг друга не выдавать, но к чему таковые предприятия ими деланы, подробно узнать не мог. По моему объявлению для произведения на месте следствия отправлялось временное отделение земского суда, которое следствие открыло, что означенные мастеровые, не успев сделать в том амбаре присяги, по усмотрению заводских прикащиков учинили оную в доме мастерового Семена Васильева с 26 на 27 число перед заутренею и во время оной. Означенные мастеровые кроме Агафангела Никифорова на учиненных им допросах показали, что присяга ими учинена была для того, что они, почитая себя приписанными, а не так как крестьянами г-на Мальцова, не получают верхов на заработки и намеревались написать просьбу управляющему своему Ивану Васильевичу каждый о своих обидах и просить верхов на заработки, а если просьба их не понравится и кого-либо чрез то обидят, то стоять за одно и друг друга не отдавать. в чем и учинили присягу крестным целованием, из коих Разумей Васильев, Илья Сергеев, Степан Семенов, Григорий Ерофеев, брат его Сергей Ерофеев и Гаврила Васильев Яров рукоприкладств к допросам своим не учинили, говоря, что не хотят; Агафангел же Никифоров на своем допросе показал, что он слышал от Ивана Николаева, что будто бы вышло дело их и велено освободить их на волю, почему старшие, разговаривая, как бы к делу этому приступить лучше, положили употребить предлог, чтоб написать прежде каждому свои неудовольствия или претензии в виде нужд и подать означенному управляющему; если удовлетворит всех, то подумать остается, а буде откажет и не удовлетворит, то, выбравши кого-нибудь из среды себя, искать ходатая для отыскивания сказанного освобождения их из владения господина их указа и в случае чтоб что ни случилось с ними, то им стоять за одно, в чем и учинили присягу; на очных же ставках все вышеписанные мастеровые, кроме Семена Васильева в том сознались; повальным же обыском все они не одобрены; доставленным же от господина Мальцова титулярный советник Вепрейский сведением объяснил о полученных ими за работы платах, о прочих представленных им к содержанию выгодах, равно и по какому праву они достались вверителю

*) Заключенное в эти скобки в черновом отпуске письма к Вепрейскому зачеркнуто.

его и откуда предки их были и, приложив при том ревизские сказки вместе с актами и копии с последовавших решений Меленковского уездного суда, утвержденных гражданской и казенной палатами и наконец прав. сената о отыскивании предками их свободы назад тому лет 30, затем дополнил, что, управляя имением камергера Мальцова шестой год, с прискорбием . . . *) Следствие производилось февраля 28, марта 1, 2, 3, 4, 5 и 6 чисел, и означенные мастеровые, признанные уполномоченным Вепрейским более для имения вредными, и еще Сергей Ерофеев и Гаврило Васильев, не приложившие к показанию свои единственно по упорству и грубости рук, на основании 14-го тома законов о предупреждении 140-й статьи отосланы для содержания под стражею к г-ну городничему, а дело в сей суд представлено 9 числа, которое того же дня передано на рассмотрение в здешний уездный суд при рапорте за № 784, о чем вашему пр-ву Земекий суд и имеет честь донести. Земский исправник Соимонов. За секретаря столоначальник Луков, Столоначальник Критский*.

Губернская администрация весьма интересовалась ходом дела. 29 марта губернатор предписал Меленковскому уездному суду немедленно приступить к рассмотрению этого дела и каждую неделю доносить ему о производстве его по суду. Но суд и без напоминаний спешил с окончанием дела. 31 марта (1838 г.) Меленковский уездный суд рапортом сообщил губернатору о решении Гусевского дела. Приводим это сообщение полностью.

„В сем уездном суде имелось в производстве дело мастеровых Гусевской г. Мальцова фабрики: Разумнике Васильеве, Илье Сергееве, Степане Семенове, Григорье Ерофееве, Иване Николаеве, Семене Васильеве, Захаре Васильеве, Василье Никифорове, Сергее Ерофееве и Гавриле Васильеве, судимых за выводимый начальством той фабрики умысел в неповиновении помещику их и сверх того за намерение отыскивать вольности якобы по непринадлежности их к крепостному праву, которое 16-го сего марта решено и решительным определением заключено: из дела сего видно: мастеровые Гусевской хрустальной фабрики г. Мальцова Иван Николаев, Илья Сергеев, Разумник Васильев, Федор Аристархов, Максимилиан Александров, Федор Морковкин, Семен Васильев, Захар Васильев, Иван Федоров, Павел Филиппов, Степан и Иван Семеновы, Петр Николаев, Григорий и Сергей Ерофеевы, Игнатий Васильев Яров, Андрей Ермилов и Гаврило Иванов, с 24 по 25 число февраля в ночи, собравшись из мастерских в анбар мастерового Разумника Васильева, намерение свое положили в том, будто написали просьбы управляющему имением г. Вепрейскому о своих обидах и утеснениях, чтоб он отличил их от прочих мастеровых и положил бы сверх жалованья лишние цены за работы, ибо они считают себя не крепостными г. Мальцова; подписки и присяги тут не успели сделать, а только уверяли друг друга, в случае, если просьба их управляющему не понравится, кого-либо чрез то обидят, то стоять за одно и друг друга не выдавать, а таковую учинили на 27 число в заутреню в доме мастерового Семена Васильева, и в верности сего прикладывались к кресту: Изъявленное в допросах неучинивших к ним по упрямству своему рукоприкладства, об'явивших в сем суде на передопросах по одному лишь неведению и страху неудовольствие мало заслуживает вероятия, ибо, если в сем только случае претензия их состояла, то всякий бы мог явиться без учинения таковых поступков к управляющему Вепрейскому, к которому они всегда имеют свободный вход и доступ во всякое время и всегда, а в действительных нуждах, как по следствию открылось, делалось и делается им всякое пособие; между тем как и сами они никакой претензии не об'явили, кроме об одной прибавке заработка их, но все мастеровые, доставшиеся

*) Далее следует буквальное повторение до конца (кончая словами: „а не на сессиином праве“) приведенного выше „Об'яснения“ Вепрейского.

ему, Мальцову, по наследству после родителя его с давних лет, получают задельную плату за каждую обработанную вещь по установленной таксе, достаточное количество денег, так что всякий мастерской получает от 300 до 400 руб., ибо таковое жалованье полагается по прилежанию и тщательности их самих, а сверх того за отличные работы полагается им особые награды, но они мастерские, приписными, как пишет управляющий Вепрейский, именующиеся, забыв долг обязанности своей, увлекаясь беспрестанно ложными понятиями о свободе, обращаясь почасту в пьянстве, всегда бывают склонны к неповиновению и грубости, наконец, простерли свою дерзость до того, что хотя они при допросах замысла своего и не открыли, в чем таковой состоял, но настоящим образом на очных ставках сознались, что они в сие время, найдя свободный случай, учинили между собою заговор отыскивать свободу из владения г. Мальцова, тогда как по иску некоторых из них в 1805 году решениями судебных мест, утвержденными Правительствующим Сенатом, оставлены они навсегда во владении г. Мальцова. Впрочем выражение их при крестном целовании: стоять за одно и друг друга не выдавать—не иное что означает (хотя они под личиною скромности и скрываются), как другой какой-либо злонамеренный замысел, клонящийся ко вреду самого имения г. Мальцова, к чему относится и самый заговор их к отысканию непринадлежащей им свободы, и во всяком случае учинение крестного целования и слова: друг друга не выдавать—заклюают в себе возмутительное преступление и сей поступок, облеченный в сферу неповиновения законным властям, клонится к поколебанию прав владельца, нарушению общей тишины и спокойствия и возбуждению беспорядков, особенно рассказами из них Иваном Николаевым и Ильею Сергеевым о получении указа в Москве о даче им из владения г. Мальцова свободы, как они сами то на допросах своих показали: 1й что он слышал от Московского купца Ефрема Семенова, а последний от Разумника Васильева; на очных ставках Николаев, будучи избличен Семеновым, что он его бранил по родству по доходящим до него слухам о толках их о свободе, о которых он по близкому жительству часто слышал, сознался в оклеветании на него и что он это выдумал, убоясь обнаружить свое и прочих товарищей намерение, а Сергеев утвердил свой допрос, а потому уездный суд, руководствуясь Сводом Законов уголовных 15 тома III, 242, 243, 247 и 395 статьями, полагает означенных мастерских: Разумника Васильева, Семена Васильева, Василия Никифорова, Илью Сергеева, Захара Васильева, Степана Семенова, Ивана Николаева и Григория Ерофеева, как более замеченных управляющим г. Мальцова в злонамеренности к неповиновению и увлечению к сему другим, которых поведение на повальном обыске не одобрено, наказать публично плетью чрез палача и дать оным по 15 ударов каждому в страх другим на месте в Гусевской фабрике, потом сослать в Сибирь на поселение; а мастерским Финогену Назарову, Федору Аристархову, Максимилиану Александрову, Федору Иванову Морковкину, Михаилу Михайлову Калмыкову, Петру Николаеву, Ивану Федорову Калмыкову, Павлу Филиппову, Ивану Семенову, Григорию и Сергею Ерофеевым, Игнатию Васильеву, Андрею Ермилову, Гаврилу Иванову и Агафону Никифорову, как они будучи вовлечены в таковой поступок теми 8 человеками по неведению замысла их на основании того же тома 394 статьи предоставить учинить наказание на волю г. Мальцова с строгим предупреждением, чтобы они впредь от подобных сему случаев удалялись, вменя из них Сергею Ерофееву и Гавриле Васильеву тюремное содержание за неприложение рук к своим допросам в наказание, для чего их, из под стражи освобождая, отдать в вотчину с роспискою, а Гаврила Васильева Ярова и Павла Остафьева по небытию их на таковом совещании на основании того же тома 107 и 108 статей от суда освободить; но, не

приводя сего миссия во исполнение, наперед снос дело, сочиня из него экстракт и учиня ему опись, отослать на главное рассмотрение во Владимирскую палату уголовного суда при доношении. о чем вашему превосходительству уездный суд сим покорнейше и доносит. Уездный судья Пачи-они (?!). Секретарь Горский".

IV. Калязинские крепостные мастерки—фабриканты.

Своеобразные фигуры представляли собою в первой половине XIX века фабриканты—выходцы из рядов крепостного крестьянства. Эксплуатируя на „вольных“ началах труд крепостных крестьян, сами они, сплошь и рядом, продолжали до поры до времени оставаться крепостными. Таковы многие из известных потом на всю Россию Иваново-Вознесенских фабрикантов, крепостные графа Шереметева, ряд фабрикантов Кинешемского района Костромской губ., потомки которых в конце XIX ст. были владельцами крупнейших хлопчато-бумажных фабрик—Коноваловы, Разореновы, Миндовские. В лице этих крепостных фабрикантов, представлявших собою целый новый общественный слой, ходом экономического развития выдвигавшийся на авансцену промышленной жизни, причудливым образом сочетались элементы и старого, крепостного хозяйства и нового, буржуазного строя. Многие из них, ворочая значительными капиталами, занимая на своих фабричках десятки наемных рабочих, раздавая в работу по округе пряжу сотням кустарей, ведя в значительных размерах разнообразные торговые операции,—продолжали оставаться „нижайшими рабами“ своих помещиков, трепещущими перед ними за свое благополучие. И вместе с тем, создавая свой достаток и преуспеяние на зыбкой, казалось, почве крепостного строя, в атмосфере насыщенного произволом крепостного „права“, эти пионеры капиталистической буржуазии прекрасно умели использовать в своих интересах силу этого строя.

Иногда зависимость крепостного фабриканта от помещика осложнялась еще зависимостью его от крупного вольного фабриканта, обычно городского купца, на которого он работал, получая от него необходимое для производства сырье (основную и уточную пряжу) и сдавая ему наработанные изделия.

Несмотря на всю сложность обстановки, являясь в полном смысле этого слова средним слоем, занимавшим промежуточное положение между стоявшими над ними помещиком и городским купцом—фабрикантом и находившимися под ними наемными рабочими и кустарями, эти фабриканты—мастерки рано научились определять свою позицию, как класса, по отношению к своим рабочим и согласовывать свои действия, когда этого требовали их общие интересы. Зародыши будущих предпринимательских организаций, которые потом уже, на исходе XIX века, стали так пышно разрастаться и на русской почве, надо искать еще здесь, среди фабрикантов—мастерков, засевших так плотно в порах крепостного строя.

Ниже мы приводим два документа, рисующих попытку совместных, объединенных действий крепостных фабрикантов против своих рабочих. Вместе с двумя другими документами, показывающими характер отношений этих мелких фабрикантиков к купцу—раздатчику и стремление их найти в лице помещичьей власти защиту от притязаний раздатчика, документы эти дают далеко не лишний материал к познанию так мало еще изученной дореформенной фабрики первой половины XIX столетия.

Относятся документы к одной из вотчин известных графов Воронцовых—селу Семеновскому и деревне Горе Калязинского уезда Тверской г.

Аналогично тому, как это наблюдалось в классических районах развития хлопчатобумажной промышленности, в губерниях Владимирской и Костромской, появление мелких фабрикантов, выходцев из крепостного крестьянства, в Тверской губ. происходило также в первой половине XIX века. Мы не задаемся целью подробно описать этот процесс постепенного выделения из массы крепостного крестьянства отдельных фабрикантов, для нас достаточно лишь отметить, что в 30-х и 40-х годах процесс этот в основных своих чертах уже был завершен, и имела уже на лицо в результате его заметная по численности и значению в промышленности группа фабрикантов—крестьян.

Главным местом фабрикации бумажных изделий в Тверской губ. был Калязинский уезд. Здесь в 40-х гг. XIX ст. существовал целый ряд мелких фабрик бумажных изделий, вырабатывавших миткаль или холстинку, организованных государственными и помещичьими крестьянами.

Имеются сведения о размерах производства на этих фабричках за 1845 г.*).

	Число фабрик.	Число станов.	Число рабочих.	Выткано аршин.
Производство миткаля:				
У госуд. кр-н Поречской вол. Тимофея Тимофеева и Ив. Иванова.	2	28	34	52000
У кр-н Сабурова.	2	60	70	90000
Производство холстинки:				
У кр-н Сабурова.	1	22	25	40000
„ „ кн. Воронцова.	3	95	115	112000
„ „ Палицына.	1	10	12	10000
„ „ Павлова.	1	15	20	20000
„ „ Чирикова.	1	50	60	50000
Всего.	11	280	336	374000

Из приведенных данных видно, что всего в Калязинском уезде было 11 фабричек, из них большая часть (9) принадлежали помещичьим крестьянам. Средний размер фабрики—25 станов и 30 рабочих. Средняя годовая выработка составляла 34000 аршин.

Изготавливались миткаль и холстинка из пряжи московских и частью Ярославских купцов, за выработку из нее ткани калязинские фабриканты получали от 2 до 3 коп. серебром с аршина**). Фабриканты Поречской волости (Тимофеев и Иванов) за всю свою выработку (52000 аршин) полу-

*) Нижеприводимые сведения о выработке за 1845 г. взяты у Преображенского: Описание Тверской губ. СПб. 1854, стр. 517—518.

***) Преображенский, 517.

чили 1700 руб. (Тимофеев 1500 р. и Иванов 200 р.) или по 3,27 коп. с аршина. В общем итоге по всем фабричкам Калязинского уезда выручка составила до 14500 руб.*) или по 3,88 коп. с аршина. При средней выработке в 34000 арш. средняя выручка давала фабриканту следовательно 1318 р. в год.

Из печатаемых ниже документов наибольший интерес представляет условие, заключенное в 1837 году между шестью фабрикантами села Семеновского. Условие это любопытно тем, что вскрывает наличность далеко не идиллически-патриархальных отношений, существовавших между предпринимателями и рабочими еще на заре капиталистического развития. Мастерки чинят рабочим „неудовольствия“, в свою очередь рабочие делают хозяевам „обиды“, забирают под работу деньги, а затем, не отработавши их, „обманом“ уходят к другому хозяину, причем, очевидно, явление это принимает широкие размеры. так как мастерки уславливаются, без настоящих „расчетов“ рабочих к себе не сажать.

Заключенное соглашение однако оказалось не совсем прочным. Один из участников нарушил условие, „вышел из правил“ его и начал принимать к себе работников „безо всяких росписок“. Тогда остальные пять фабрикантов, очевидно, не имея возможности непосредственно повлиять на нарушителя условия, обратились за содействием к главному управляющему Московской домовою конторы Воронцова. Указывая, что они не хотят нарушить свое условие, а хотят быть „настоящими крестьянами“, фабриканты „всепокорнейше“ просили понудить нарушителя порядка уплатить наложенный ими на него штраф и „быть впредь покорному в союзе нашем“. „В противном случае—говорится в прошении—если нам всем нарушить установленный порядок, то и денег давать вперед рабочим не будем, чрез что может случиться остановка в платеже оброка и не навлечи бы от вашего высокоблагородия всей вотчине какого неудовольствия“. Последнее указание должно было звучать особенно убедительно для вотчинника, который все свое благополучие строил именно на развитии оброчной системы; с точки зрения этой системы всякого рода неземледельческие промысловые заработки среди крепостного населения заслуживали всяческого поощрения, так как обеспечивали исправное поступление помещику оброка. Составители прошения прекрасно понимали, насколько вотчинник был заинтересован в том, чтобы оброк с его менее мощных крестьян поступал полностью и своевременно, и, поскольку исправное и своевременное поступление оброчных платежей было связано с ненарушимым ходом фабричных работ, должен был идти навстречу их притязаниям. В данном конкретном случае интересы фабрикантов так тесно сплелись с интересами вотчинника, что нельзя сомневаться в том, что домовая контора пришла на помощь фабрикантам и оказала то или другое в интересах их воздействие на нарушителя условия, хотя об этом документальных подтверждений мы не нашли.

Также стремились использовать власть помещика крепостные мастерки и в других случаях, когда надо было защититься от сильного человека. Мастерки села Семеновского Дмитрий и Петр Федосеевы и Филиппов работали на купца 2-й гильдии г. Александра Владимировой губ. Григория Дмитриева Зубова, получая от него бумажные основы и уток. Связь их с этим купцом была длительная. К 1850 г., когда у них случился с этим купцом конфликт, они работали на него в течение 13 лет. В 1850 г. купец Зубов принес в главную контору жалобу на названных выше мастерков, обвиняя их в том, что они „приостановили товар у него“. Вообще отношения между ними запутались: Федосеевы считали, что за Зубовым.

*) Преображенский, 518.

за его конторою заработанных их денег имеется 1090 р. 67 к. ассигнациями, а Зубов считал за ними своих 1470 р. Федосеевы и Филиппов оправдывались, утверждая, что товар выработкою не приостанавливался, а дорабатывался, и что, наоборот, сэм Зубов виноват в приостановке высылки им утка. Опасаясь от Зубова „разорения и убытка“, мастерки обратились с „покорнейшим прошением“ в Московскую домовую контору, прося покровительства и помощи

Мы не знаем, чем в конфликте мастерков—фабрикантов с купцом раздатчиком кончилось дело и увенчались ли успехом хлопоты мастерков, но мы видим, что эти мастерки весьма охотно укрывались под защиту своего вотчинника, да еще такого крупного и влиятельного магната, как граф Воронцов, когда интересам их грозил ущерб, от рабочих ли, от городского ли купца. В этом умении приспособляться к крепостному строю и использовать его аппарат для защиты своих интересов, быть может, кроется объяснение той поразительной цепкости, живучести и энергии, какие обнаружили выходцы из крепостного крестьянства: носители возникшего буржуазного строя, заключавшие еще в расцвет крепостной эпохи союзы между собою против рабочих.

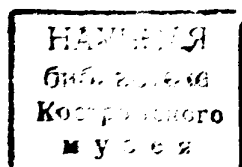
П Р И Л О Ж Е Н И Я*).

1) „Условие. 1837 г. октября 27 дня. Мы, нижеподписавшиеся Тверской губ. Калязинского уезда села Семеновского содержатели собственных своих фабричных заведений мастерки Иван Федосеев, Козма Иванов, Андрей Антонов, Герасим Филиппов, Андрей Лукьянов и Савелий Иванов утверждаем сие впредь без нарушения сего порядка: имея каждый из нас в своих заведениях рабочих людей, которые садятся работать и забирают под работу вперед немалое количество денег, после чего каждый делает хозяину чрез какое нибудь неудовольствие обиду, забравши вперед деньги и не заработавши оных, отходит к другому обманом и опять от другого также заимствуется, а дабы не было между нами никакой связи в ткачах, всякий ткач должен отходить от одного хозяина к другому без заработка, а нам таковых ни под каким видом без настоящих расчетов не сажать, а если кто такового посадит, всякий у нас должен в штраф ответственать по 10 р. ассигнациями, таковой же порядок должны наблюдать и с посторонними крестьянами, к каковому условию всякий своеручно подписуемся. К сему условию Иван Федосеев руку приложил“... (Далее идут рукоприкладства остальных мастерков, причем вместо Емельяна**) Герасим Филипов руку приложил).

2) „Его сиятельства графа Михайла Семеновича Воронцова Московской домовой конторы господину главноуправляющему его высокоблагородию Ермолаю Андреевичу фон-Цур-Милену Тверских вотчин села Семеновского и деревни Горы от фабрикантов покорнейшее прошение. Мы, нижеподписавшиеся рабы, осмеливаемся довести до сведения вашего высокоблагородия и всепокорнейше просить: имея всякой из нас выстроенные на собственной кошт фабрики, в которых находится немалое количество рабочих людей своей вотчины, а также есть и посторонние на изделия бу-мажных товаров и заработка денег, которым мы давали, да и теперь даем не только заработанные, а и вперед как-то закладываем оброк, платим казенные повинности, даже ссужаем и на домашние нужды; таким образом забирают вперед рублей по сту и более, но, неудовольствуясь этим, нача-

*) Владимирский губархив, архив Воронцовых. Печатаются без сохранения орфографии подлинников.

**) Как видно из следующего документа, фабрикант деревни Горы, повидимому, ошибочно не названный в начале условия.

ли делать между нами, фабрикантами, обман и причинять каждому обиду; забравши у одного хозяина вперед под работу деньги и не заработавши оных, отходит чрез какое-нибудь расстройство к другому и поступают таким же образом, которых и принудить к зароботке никакой возможности не имеем; в случае таковых обманов рабочими людьми сделали мы уже между собою прошлого октября месяца сего года за подписанием каждого своеручно условие, дабы всякий из нас друг от друга и ни под каким видом без расчетной росписки с забором принимать не мог, которое при сем подлинником прилагается и всепокорнейше просим вашего высокоблагородия по рассмотрению нашего условия и с своей стороны сделать утверждение, дабы никто из нас не осмеливался делать нарушения порядка, как сделал теперь один из нас, Андрей Лукьянов, которой, подписавши своеручно и делал с клятвою пред богом обещание, что ни одного работника сажать к себе в фабрику без расчета не будет, а наконец вышел из правил нашего условия и безо всяких росписок начал принимать и опять, а мы не хотим нарушить своего условия, а быть настоящими крестьянами и желаем поддержать других; всепокорнейше просим нарушителя порядка понудить возложенный нами штраф по условию уплатить, в каком делает упорство по одному упрямству, а ему, Лукьянову, быть впредь покорному в союзе нашем и не делать таковых раздоров; в противном случае, если нам всем нарушить установленный порядок, то и денег давать вперед рабочим не будем, чрез что может случиться остановка в платеже оброка и не навлечи бы от вашего высокоблагородия всей вогчине какого неудовольствия. Декабря 5 дня 1837 года. К сему прошению Герасим Филиппов руку приложил". (Далсе идут рукоприкладства Кузьмы Иванова, вместо Андрея Антонова брата его Авксентия, вместо д. Горы Емельяна Кузьмина за неумеющего грамоте с. Семеновского крестьянина Герасима Филиппова, с. Семеновского Ивана Федосеева).

3) „Рапорт бурмистра Тверского вотчинного правления князя М. С. Воронцова от 25 марта 1850 г. № 3 в главную его сиятельства Московскую домовую контору г-ну главноуправляющему его высокоблагородию Ермолаю Андреевичу фон-Цур-Милену: При сем честь имеем представить отношение на предписание Московской домовой конторы и вашего высокоблагородия от 11 марта за № 118 о прошении купца Зубова в расчетах с крестьянами ведомства моего Федосеевыми и Филипповым, которой купец Зубов подавал прошение, но как я крестьян понуждал к расчету и сделал им допрос о их расчетах с купцом Зубовым, но как Федосеевы показывают, что за купцом Зубовым за конторю заработанных ихних денег ассигнациями 1090 р. и 67 к., а по прошению купца Зубова за означенными крестьянами Федосеевыми 1470 р., а об наличной же сумме по прошению купца Зубова налагает на Федосеевых обиду, а производства имели с купцом Зубовым— не менее 12 годов работали на него, и Филиппову Зубов по прошению всему учиняет таковую же обиду, как и Федосеевым сказано, об наличной сумме обижают купец Зубов, а в прошении купец Зубов показывает на крестьян Федосеевых и Филиппова, что будто бы Федосеев и Филиппов приостановили товар у него, а он не приостановлен, а дорабатывался и о приостановке о высылке нам от него утка и в этом и была приостановка товару; впрочем отдаемса на ваше благорассмотрение и ожидать буду милостивейшего приказанья, а по безграмотству бурмистра прилагается фамильная печать“.

4) „Тверских его сиятельства князя Михайла Семеновича Воронцова вотчин его высокоблагородию главноуправляющему Московской домовой конторы господину Ермолаю Андреевичу фон-Цур-Милену села Семеновского крестьян Димитрия и Петра Федосеевых покорнейшее прошение. Касатель-

но прошения, последовавшего от купца 2 гильдии Владимирской губ. г. Александрова Григория Дмитриева, что мы взяли по прежним нашим с оным купцом договорам в течение 13 лет у одного купца бумажных основ и утка, но оные бумажной же пряжи взяты нами справедливо по прежнему для выработки по условию как основа, так и уток бумажные.

1. Выработка остановилась оных основ по причине недостачи утка на оные основы, но мы, вырабатывая оное, видим недостаток утка, чего и требовали от него неоднократно, но он, купец, и его контора утка нам в недостачу не выслали, и погому выработка оных основ сделалась продолжительною, и, дожидаясь присылки утка была работа приостановлена; наконец принужденными остались уток для выработки заимствовать от других мастеров своих товарищей села Семеновского.

2. Купец оный, Дмитриев, по прошествии несколько времени или же сам прикащик его по своей воле якобы для осмотра нашей работы, осматривал и перевешивал нам выданные основы для выработки, но главной их цели мы дознать не могли, доколе не получили конторы приказа и прошения, последовавшего на нас, будто мы остановили его материал за недоставку конторою одного купца заработанного нами капитала, — почему и выдумали утруждать ваше высокоблагородие ложным на нас доносом. Просим всепокорнейше, как защитника и покровителя нас, не допустить нас до разорения и убытка; как мы видим из его прошения, что купец Дмитриев и контора его приводит нас в разорение и важные убытки, потому что в течение 1848 и 1849 гг. состоит нам должным более 300 руб. серебром, что и значится по нашим записным книгам, выданным его конторою, заработанного нами капитала; оные же деньги не получа от его конторы, мы своих собственных роздали рабочим за выработку прежней и теперешней выработки. Купец же и его контора требует от нас товару, выработанному нами, для нас в обиду и притеснение, дабы сделать с нас вычет и провеса и тем притеснить нас, не заплатя еще прежнего капитала, товар же его уже весь готов к сдаче, но по прошению, на нас последовавшему, отдать им как без приказания вашего, так и не получа от оной его конторы заработанного счета представить не можем, а осмеливаясь прибегнуть и утруждать к покровительству вашему, дабы был вытребован от купца и его конторы счет заработанного нами капитала без всякого со стороны его обиды и притеснения“.

V. К истории медицинской помощи в Иваново-Вознесенском фабричном районе.

М-во внутр дел Владимирской губ. Шуйского уезда медика Д. Ф. Попова, служащего при фабриках с. Иванова с правом государственной службы № 16 июля 30 дня 1843 г. В главную Московскую его с-ва графа Михайлы Семеновича Воронцова отношение.

Из практических наблюдений моих в течение 18 месяцев заметил я, что вторую весну существует в здешнем уезде перемежающаяся лихорадка и преимущественно поражает бедного класса людей, т. е. крестьян обоего пола, которые если остаются без медицинского пособия, то переходят в брюшные завалы, водянку и в смерть, в числе которых находятся и его с-ва графа Воронцова занимающиеся работой на фабриках в Иванове, равно же и в окружных селах и деревнях своих, и очень часто являются ко мне для подания медицинского пособия в вышеозначенной болезни, равно

же и других, как-то ранах, ушибах, переломах, эротических язвах и тому подобные по случаю открытия аптеки в Иванове и моего постоянного жительства, но по бедности не могут платить за лекарство в аптеку.

То из всех вышеозначенных обстоятельств видно, что крестьяне его с-ва в окружности Иванова и в Иванове остаются без всякого медицинского пособия и получают от болезней значительные повреждения и нередко получают и прилипчивые болезни, как то венеру и чесотку, и заражают свои семейства, от которых после рождаются дети худосочные и с врожденными болезнями, но чтобы избавлять вышеозначенных крестьян от таких болезней, то предлагаю г-ну главноуправляющему оной конторой Ермолаю Андреевичу фон-цур-Милену мои услуги в следующих видах, которые, если найдет он полезным и нужным, то могу исполнять в точности:

1-е. Принимаю на себя обязанности пользоваться всех крестьян его с-ва, в Иванове на фабриках проживающих, равно же и по надобности могу ездить в селы Афанасьево, Авдотьино, Кочнево и прочие деревни.

2-е. Для удобства в лечении в Афанасьеве в конторе можно иметь достаточное количество лекарств, купленных с выгодой в Москве, которые по приезде моем могут быть выдаваемы понаставлению больным, равно же и у меня в квартире будут оные для крестьян, приходящих и проживающих в Иванове, и будет множество спасаемо их от трудных болезней и предохранено будущее здоровье с семействами оных, которые они расстраивают простыми лекарствами и нередко умирают преждевременно.

Покорнейше прошу оную контору по рассмотрении своем сделать свое замечание о согласии и меня уведомить. Служащий при фабрике с. Иванова медик Д. Попов*).

VI. Волнение среди рабочих фабрики Гарелина в селе Иванове в 1848 г.

Классовые антагонизмы в знаменитом Русском Манчестере начали проявляться очень рано.

Чрезвычайно любопытное на этот счет указание находим в одной из статей Германа Гарелина: „Бывшие пожары в 1775—1781 гг.—говорит он—произошли от поджогов самих ивановцев, для грабежа богатых жителей, что было открыто строгими исследованиями полицейских и вотчинных людей; вследствие этого поджигатели были найдены и, по суду жестоко наказанные кнутом, сосланы в каторжные работы“**).

В первой половине 19-го столетия в Иванове быстро расцветает фабричная промышленность. Расцвет этот сопровождается сильным ростом рабочего класса. Литературные источники указывают, что еще в дореформенное время среди иваново-вознесенских рабочих имели место настоящие стачки. Составители „Свода материалов по кустарной промышленности в России“, кн. А. А. Мещерский и К. Н. Модзалевский (СПБ. 1874, стр. 406), ссылаясь на статью В. Безобразова (село Иваново Отеч. Записки, 1854, стр. 272) отмечают, что в с. Иванове, где в то время до 7000 чел. посто-

*) На приведенном заявлении имеется помета: „№ 576 Получ. 7 авг. 1843 г. ответств. 14 авг. за № 295.“

**) Герман Гарелин. Старинные предания старожилов о бывшем селе Иванове. Ежегодник Владимирского Губернского Статистического Комитета.

янных жителей и до 10000 временно проживающих рабочих были заняты изготовлением ситца, которого фабриковалось до 1000000 кусков в год (5000000 арш.) на 7500000 р. сер. „Особенного внимания заслуживают отношения между фабрикантами и рабочими по дурному обращению первых с последними; они дурно платят рабочим и часто производят уплату бракованным товаром вместо денег и т. п. Здесь было уже несколько настоящих стачек рабочих (Strikes)“.

Ниже публикуемые материалы показывают, что волнения среди ивановских рабочих, направленные против фабрикантов, происходили не только в 50-х гг. 19 ст., но и раньше. Одно из них было в 1848 г. на ситцевой фабрике почетного гражданина Юрьевоцкого 1-й гильдии купца Якова Петровича Гарелина, находившейся близ с. Иванова.

По описанию, относящемуся к 1849 г.*) на этой фабрике имелась паровая машина в 40 сил с 3 паровыми котлами в 75 сил, приводившая в действие 3 галандры, 2 цилиндренные машины одноколерные, 1 цилиндренную машину 3-х колерную, белильную, 2 плюсовых, 2 накапальных и 8 мытильных колес, а также снабжавшая водою красильню ситцев и белильную. Кроме того на фабрике были 1 цилиндренная 3-х колерная машина с 180 медными валами для печатания ситцев, 2 цилиндренные одноколерные машины с 220 медными валами для печатания ситцев, машина перотин для набивки ситцев, 2 гидрокстрактора для отжимания ситцев, 2 граверные машины и 1 долизир-машина. Посредством паров миткали и ситцы вываривались в деревянных чанах. Две граверные машины приводились в действие ручным способом.

Кроме указанных выше машин на фабрике имелось 180 столов для набивки ситцев.

В течение 1849 г. поступило миткалей под набивку ситцев пунсовых, цветных и машинных одноколерных, двухколерных и трехколерных следующее количество:

цветных . . .	57 ^{1/2}	арш. дл. в 1	арш. шир.	25200 шт. по	8 р. 25 к.	на	207900 р.	
„ . . .	45	„ „ „ 1 ^{1/4}	„ „	2700 „ „	8 р. 40 к.	„	22680 р.	
цилиндрен. . .	57	„ „ „ 1	„ „	32900 „ „	6 р. 10 к.	„	200690 р.	
пунсовых . . .	55	„ „ „ 1	„ „	6900 „ „	16 р. к.	„	110400 р.	
платк. пунс. . .	34	„ „ „ 1 ^{1/2}	„ „	1200 „ „	17 р. к.	„	20400 р.	
„ . . .	34	„ „ „ 1 ^{3/4}	„ „	1200 „ „	20 р. к.	„	24000 р.	
Всего . . .							70100 шт.	586070 р.

Сырые и вспомогательные материалы, необходимые для производства, покупались в СПб., Москве, Казани и на ярмарках Нижегородской, Ростовской и в с. Иванове.

Сбывались готовые изделия в Москве, по ярмаркам Нижегородской, Ростовской, Ирбитской, Сибирской, Коренной, Роменской, Харьковской, Кременецкой, Саратовской, Мензелинской, Котельнической, Парской, в слободе Холуе и при доме в с. Иванове.

Рабочих и служащих всего на фабрике было 683 чел. и том числе 180 набойщиков, 70 штрифовальщиков, 23 резчика, 3 колориста (иностранцы) 8 граверов, 15 разных подмастерьев, 8 рисовальщиков и учеников, 1 механик (иностранец), 12 прикащиков, 7 столяров, слесарей и кузнецов, 13 караульных (из всенных) и 343 чернорабочих.

*) См. „Ведомость о фабриках и заводах Владимирской губ. за № 1849“, (Владимирский губернский архив, дела канц. Владимирского губернатора).

Далее приводим самые материалы:

1) Рапорт Шуйского Земского Суда от 2 июля 1848 г. Владимирскому Гражданскому Губернатору*).

„Сего числа г. земский исправник представил при предложении рапорт пристава 2-го стана от июля 1-го числа за № 1907, в коем он доносит ему, что проживающий в с. Иванове почетный гражданин Юрьевецкий 1-й гильдии купец Яков Петрович Гарелин поданным ему объявлением объяснял, что у него на фабрике к конторе пришла толпа рабочего народа и хотели его прибить; некоторые из них схватили его за горло и разорвали скюртук, так что хотели его убить, если б набойщики его не защитили, причем представил главных двух зачинщиков Владимирской губернии и уезда г. Купреяновой дворового человека Евстратия Максимова и Боголюбской волости Ивана Федорова, которые у пристава находятся под караулом, просит произвести на законном основании следствие о поступке сем, почему пристав отправлялся на заведение купца Гарелина, где действительно усмотрен на нем, Гарелине, скюртук изорванным, а потому пристав, донося г. исправнику, просит его известить, как ему поступить в таком случае, когда взбунтуется народ на фабриках его, купца Гарелина, или прочих фабрикантов, который отзывается под предлогом, что в селе Иванове происходит болезнь, но по мнению пристава этот народ уходит с фабрик от хозяев не потому что от болезни, происходящей в с. Иванове, а как ныне рабочая пора, то каждый идет домой, потому что прежде в это самое время рабочий народ уходил домой, даже не сделавши с хозяином расчета. Вследствие чего исправник земскому суду предложил донести о сем Вашему Превосходительству: сам же он отправляется сего же числа вместе с уездным стряпчим для произведения по сему предмету следствия временным отделением, о чем Вашему Пр-ву земский суд сим покорнейше и имеет честь донести. Старший заседатель (подпись). За секретаря губернский секретарь Чижев.

2) Его Пр-ву г-ну Владимирскому гражданскому губернатору Шуйского земского исправника и уездного стряпчего рапорт.

Пристав 2-го стана Шуйского уезда рапортом от 1-го августа за № 1907 донес о буйстве рабочего народа на фабрике почетного гражданина Юрьевецкого 1-й гильдии купца Якова Петровича Гарелина, о котором от его, Гарелина, было подано приставу объявление, веледствие какого рапорта, дав предложение земскому суду о предварительном донесении Вашему Пр-ву, которым уже и донесено, мы отправились на место происшествия для исследования временным отделением, куда прибыв, подписали пристава о доставлении подлинного объявления купца Гарелина и ежели им начато следствие, то и таковое, против какого предписания пристав рапортом того же 4-го числа за № 1932 донес, что объявление купца Гарелина возвращено ему, Гарелину, обратно до начатия производства, почему пристава того же числа предписано было донести, на каком основании он возвратил обратно купцу Гарелину поданное им объявление. Пристав же рапортом того же числа за № 1933 донес, что объявление купца Гарелина возвращено ему вследствие его, Гарелина, письма, писанного к нему, пристава, ибо это оскорбление нанесено ему, Гарелину, и он вправе простить и прости, а потому дело или происшествие это им, приставом, прекращено на основ 2 тома Св. Зак. изд. 1842 и 2576 ст.

*) Настоящий и следующие документы извлечены из Владимирского Губархива, из дела канцелярии Владимирского губернатора от 5 июля 1848 г. № 579 „по рапорту Шуйского земского суда о прибитии купца Гарелина его рабочими“.

Несмотря на этот отзыв, временным отделением были опрашиваемы крестьяне Владимирской губернии и уезда Боголюбской волости села Волосова Иван Федоров и дер. Выремши г. Купремновой Евстратий Максимов, которые показали: Иван Федоров, что он, проходя после обеда на работу, увидел у конторы большое количество народу, собравшегося просить у хозяина своего купца Гарелина расчета за работу, то он, желая получить таковой же, остановился около означенной толпы. По приезде купец Гарелин спросил, зачем они собрались, и, услыша требование их, стал посылать на работу, но рабочие объявили, что они работать не станут, ибо боятся появившейся на фабрике их болезни холеры и с этим ответом хотели идти к становому приставу, но купец Гарелин приказал запереть ворота и выслать набойщиков. Испугавшись собравшиеся крестьяне все разбежались, а Иван Федоров, не почитая себя ни в чем виновным, стоял на одном месте и, когда увидел, что уже нет никого из рабочих, пошел на место работы в мыловарню, не доходя до которой был остановлен купцом Гарелиным, который сказал ему, что он, Федоров, буян и, не принимая никаких оправданий, приказал запереть в амбар, из которого уже несколько времени был выведен, скован и отправлен в становую квартиру; за горло же купца Гарелина не брал, сертука не рвал и намерения убить не имел. Евстратий Максимов показал тоже самое с дополнением таковым, что, когда рабочие говорили, что работать не станут, то подрядчик их, вынув письмо, присланное к нему от помещицы Максимова, и отдавая читать Гарелину, сказал, что будто бы Максимов отдан ему в такое распоряжение, так что ежели он не будет работать, то подрядчик имеет право его наказать. Прочитав письмо, Гарелин подозвал Максимова к себе, ударил рукою по лицу и хотел тащить в контору, рабочие же за него ухватились и не хотели отдать, но пришедшие набойщики у них отняли и увели в контору, по выпуске из которой было с ним поступлено также, как и с крестьянином Иваном Федоровым по выпуске из амбара. После чего отношением от 5 июля № 25 требовали от купца Гарелина подлинное обязательство к производству следствия, на какое требование Гарелин уведомил, что он простил тех рабочих людей по христианскому снисхождению, которые причинили ему личное оскорбление, и объявление, поданное им становому приставу и впоследствии ему возвращенное, им уничтожено, почему при отношении от 6-го июля за № 26 посылаема была к нему копия с донесения пристава для утверждения обстоятельств, прописанных в донесении пристава Барановича, на которое он, Гарелин, уведомил, что он от рабочих своих, кроме личной обиды, ничего не имел, да даже и самый народ находится в спокойствии, а потому просит дело оставить без последствия. Лично же нами дознано, что буйства рабочих на фабрике не было, а только они не хотели жить у Гарелина, опасаясь появившейся холеры. О чем донося Вашему Пр-ву покорнейше просим Вашего распоряжения, продолжать это следствие или оставить без всякого действия. Земский исправник Горицкий (?) Уездный стряпчий Златоустовский № 26 июля 7 дня 1848 г.*.

Помета: „Отвечать, что так как из настоящего дознания видно, что со стороны рабочих буйства не было, а хозяин фабрики претензию свою оставляет, то и сам я не нахожу более нужным производить по изъясненному делу следствие“.

3) „Ваше Пр-во, милостивейший государь Петр Михайлович! Простите великодушно, Ваше Пр-во, что я осмеливаюсь Вас покорнейшею и усерднейшею просьбою: в фабрике моей рабочий народ причинил мне личное оскорбление чрез свои грубые поступки, о чем доводил я до сведения станового пристава Барановича, который внушил им словесно, и они в то

же время просили у меня прощения, и я по христианскому снисхождению простил, о чем честь имею довести до сведения Вашего Пр-ва.

Покорнейше и усерднейше прошу приказать временному отделению земского суда оставить оное без внимания и тем прекратить следствие.

Болезнь жены и недавняя потеря единственного сына заставляют забывать все обиды ближнего. Ваше Пр-во, доброе внимание Ваше всегда было благотворением для нашего семейства, а потому и уверен в милостивом снисхождении. С истинным почтением честь имею быть, Ваше Пр-во, милостивый государь покорный слуга Яков Гарелин. Иваново 7 июля 1848 г.*.

Помета: „Приобщить к делу“.

4) „10 июля 1848 г. № 6878. Г. Шуйскому Земскому Исправнику. Усматривая из рапорта вашего обще с уездным стряпчим за № 26, что проживающими на фабрике купца Гарелина рабочими людьми никакого буйства делано не было, кроме того что некоторые из них из опасения появившейся болезни холеры хотели самопроизвольно разойтись с фабрики по своим домам, и имея в виду полученное и мною от купца Гарелина сведение, что он означенных рабочих за такой поступок их против него по долгу христианскому прощает, даю вам знать, что за сим дальнейшее произведение исследования я считаю не нужным, если только в виду временного отделения нет других более важных обстоятельств по сему делу, которые должны быть преследуемы на основании существующих узаконений“.

VII. Фабрика Попова в г. Шуе в конце 40-х годов XIX столетия.

Имя Федора Герасимовича Попова в истории промышленности Иваново-Вознесенского района пользуется известностью. В 1847 г. им была открыта в Шуе первая механическо-ткацкая фабрика на 108 станов (и при ней прядильная фабрика), и уже по его примеру механическое ткачество стало вводиться как в Шуе, так и в Иваново, Кохме и других местах*).

В 1849 г., для которого сохранилось довольно подробное ее описание**), фабрика Попова по величине годового производства, достигавшего 236370 руб. среди текстильных фабрик Шуи занимала третье место***).

Официально фабрика эта носила название „Вольно-купеческой бумаго-прядильной мануфактуры почетного гражданина Шуйского 1-й гильдии купца Федора Герасимовича Попова“.

Помещалась фабрика в 5 каменных корпусах. Из них 1-й, трехэтажный корпус, размером 28\8 саж., был занят самоткацким (низ) и прядильным (верх) производствами; 2-й корпус (одноэтажный, 8¹/₂\8 саж.) — паровой машиной, 3-й корпус (трехэтажный, 10\8 саж.) занимался рабочими людьми, в 4-м (двухэтажном, 33\6 саж.) здании находилось ткацкое ручное производство и, наконец, 5-й корпус (в один этаж 15\4¹/₂ саж.) служил для складки товара и материалов.

*) В. Ф. Свирский. Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губ. Владимир на Клязьме. 1890 г. стр. 13.

**) Описание фабрики Попова, приводимое ниже, заимствовано из „Ведомости о фабриках и заводах Владимирской губ. за 1849“. (Владимирский губархив, дела канцелярии Владимирского губернатора).

***) Первой была миткалевая фабрика купца Г. Л. Калужского с братьями (534570 р. суммы производства) и второй — ситцевая фабрика купца Г. В. Щеколдина с братьями (264000 руб.).

На фабрике имелся целый ряд машин. В прядильном отделении имелись машины: 2 трепальных, 1 настилальная, 20 чесальных, 2 ленточных, 13 ровинсовых и 18 мюльных с 7200 веретен. В ткацком отделении имелись 2 разматывальных машины, 2 сновальных, 4 шлихтовальных, 108 механических станков, 1 клеильная и 1 основы навивальная.

„Действие“ фабрики происходило „из паровой машины высокого давления в 30 сил с 3 котлами“.

За 1849 г. на фабрике было употреблено следующее количество материалов:

бумаги хлопчатой	6000 пуд.	по 2 р.	к. пуд на	48000 р. сер.
бум. пряжи англ. и русск.	500 „ „	18 р.	к. „ „	9000 р. „
„ „ своего пряден.	5000 „ „	17 р.	к. „ „	85000 р. „
муки крупитчатой	600 „ „	1 р. 20 к. „ „	„ „	720 р. „
сала говяжьего	60 „ „	3 р. 40 к. „ „	„ „	204 р. „
свеч сальных	30 „ „	3 р. 70 к. „ „	„ „	111 р. „
масла деревянного	250 „ „	8 р.	к. „ „	2000 р. „
„ лампового	400 „ „	2 р. 50 к. „ „	„ „	1000 р. „
дров разных ⁴ / ₄ и ⁵ / ₄	2500 саж.	1 р. 80 к. саж.	„ „	4500 р. „

Всего на 150535 р.

Бумага хлопчатая выписывалась из Англии, пряжа покупалась в Москве, остальные материалы в Москве и Шуе.

Выработка за тот же 1849 г. составляла: в прядильном отделении было выработано бумажной пряжи медно с № 32 по 38-й 2500 пуд. по 17 руб. 50 коп. на 43750 р., и утка медно №№ 38—46—2500 пуд. по 16 р. 50 к.—на 41250 р.

В самоткацком производстве было выработано машинного миткаля:

№ 1—45 ар. дл. в 1 ар. — верш. шир. на	70 ст.	10000 шт.	по 4 р. 50 к. на	45000 р.
№ 2—45 „ „ „ 1 „ — „ „ „	12 „	2000 „ „	4 р. 25 к. „	8500 р.
№ 3—45 „ „ „ 1 „ — „ „ „	12 „	2000 „ „	4 р.	9000 р.
№ 4—45 „ „ „ 1 „ 4 „ „ „	7 „	1000 „ „	5 р. 40 к. „	5400 р.
№ 5—45 „ „ „ 1 „ 3 „ „ „	7 „	1000 „ „	5 р.	5000 р.

Всего 108 стан. 16000 шт. „ 71900 р.

Ручного миткаля при фабрике было выткано:

в 1500 зуб. в 31 ар. дл. и 1 ар. 6 в. шир. на	15 ст.	300 шт.	по 3 р. 60 к. на	1080 р.
„ 1700 „ „ 31 „ „ „ 1 „ 9 „ „ „	20 „	400 „ „	4 р. 25 к. „	1700 р.
„ 2200 „ „ 31 „ „ „ 2 „ — „ „ „	15 „	300 „ „	5 р. 30 к. „	1590 р.

Всего на 50 ст. 1000 шт. 4370 р.

Помимо самой фабрики ручной миткаль работался еще в домах и светелках крестьян в округах Шуйской, Ковровской, Вязниковской, Суздальской и Нерехотской. Всего крестьянами было в 1849 г. выработано:

в 850 зуб. в 57 ар. дл. в 1 ар. — вер. на	350 ст.	7000 шт.	по 4 р.	к. на 28000 р.
„ 1000 „ „ 57 „ „ „ 1 „ — „ „ „	350 „	7000 „ „	4 р. 30 к. „	30100 р.
„ 1100 „ „ 45 „ „ „ 1 „ — „ „ „	50 „	1000 „ „	3 р. 80 к. „	3800 р.
„ 1300 „ „ 45 „ „ „ 1 „ 3 „ „ „	150 „	3000 „ „	4 р. 40 к. „	13200 р.

Всего. 900 ст. 18000 шт. 75100 р.

В общей сложности на фабрике и на стороне работало на Попова 1058 ткацких станков, выработавших в 1849 г.—35000 штук миткаля на 236370 руб. серебром. Сбывался миткаль в Москве и Шуче.

Работа производилась наемными рабочими. При прядильном производстве было 250 чел. рабочих, кроме того 1 англичанин (очевидно, мастер) и при нем переводчик англичанин; при самоткацком производстве было 160 рабочих; помимо того при фабрике состояло конторщиков 4, при ручном ткацком производстве конторщиков 5, сновальщиков 5, клеильщиков 4, шпульников 40, ткачей 50, сверх того в указанных выше округах 900 домашних и светелочных ткачей. Всего на Попова работало 1420 чел.

Из приведенных данных видно, что фабрика Попова представляла собою крупное предприятие с паровым двигателем, с большим машинным оборудованием, с значительным числом рабочих и большою выработкой.

На фабрике этой в 1848 г. происходили небольшие волнения среди рабочих, которые стоит отметить, как одно из первых проявлений рабочего движения в Шуйском районе в первой половине 19 века.

Относящиеся сюда материалы приводятся ниже*).

1) „Предписание Владимирского Гражданского Губернатора от 5 ноября 1848 г. за № 10759 к Шуйскому городничему.

„Весьма нужное. До сведения моего дошло, что в недавнем времени на фабрике купца Попова между рабочими людьми произошли значительные беспорядки, для прекращения коих вы были вынуждены принять весьма сильные полицейские меры при содействии даже воинской команды.— Не получая от вас никаких по сему предмету донесений, я вынужденным нахожусь предписать вам немедленно с первою почтою рапортовать мне о всех подробностях сопровождавших сие происшествие и о причине, почему вы не довели о сем своевременно до моего сведения вопреки циркулярного предписания моего 28 ноября 1846 г. и 9 июля прошлого 1847 г.“.

2) Рапорт Шуйского городничего коллежского советника Дорогина от 12 ноября 1848 г. за № 634 г-ну Владимирскому гражданскому губернатору и кавалеру.

„На предписание вашего превосходительства от 5 числа сего месяца за № 10759 имею честь донести, что на фабрике купца Попова в октябре месяце несколько человек рабочих людей, желая истребовать от хозяина прибавки задельной платы, вздумали оставить ткацкую работу. По доведении о этом до сведения моего купцом Поповым я в то же самое время отправлялся на фабрику Попова, где по первому внушению им правил фабричной промышленности встретил от рабочих людей и желание и готовность продолжать работы, каковые при мне же и начались, но здесь я не только значительных беспорядков, но даже ничего противного нарушению общего спокойствия не встретил, и потому о предмете этом, как не составляющем ни особого происшествия, ни заключающем в себе важности, не смел доводить до сведения вашего превосходительства. Городничий кавалер Дорогин“.

3) Письмо Владимирского гражд. губернатора от 19 ноября 1848 г. к купцу Попову.

*) Материалы эти взяты из дела канцелярии Владимирского Гражданского губернатора за 1848 г. № 287 „по предписанию Шуйскому городничему о беспорядках на фабрике купца Попова“.

Милостивый государь Федор Герасимович! До сведения моего доходит, что на бумагопрядильной фабрике вашей в г. Шуе между рабочими людьми иногда возникают беспорядки и ропот по причине стеснительных нововведений, которые вы нашли необходимым принять за правило и руководство при взыскании с работников за упущения, делаемые ими по возложенным на них обязанностям, — как, например, вычет из заработной платы за каждую ничтожную просрочку времени, назначенного для работ на фабрике, и другие подобные сему наказания.

Принимая во внимание, что плата за труд составляет единственное вознаграждение русского крестьянина, на которой он часто основывает исправный платеж повинностей и годовое содержание своего семейства, равно исполнение всех нужд, соответствующих с его крестьянским бытом, а потому я полагаю весьма натурально, что негодование, проявляющееся в нем при вычете каждого заработанного им рубля, вперед уже им рассчитанного, возбуждает ропот и вовлекает толпу к производству некоторых беспорядков, — не думаю, чтобы сии вычеты принесли вам какую либо существенную выгоду и чтобы вы, кроме их, не нашли других благодетельных мер к водворению должного исполнения и повиновения между рабочими, — я вынужденным нахожусь просить вас, милостивый государь, устранить из управления вашей фабрики те правила, которые несвойственны в обращении с русскими работниками и которые могут приносить пользу только за границей. Примите уверение в моей преданности, с которой честь имею быть вашим...“.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

стр.	строка:	напечатано:	должно быть:
4	30 сверху	— мышленность, но и за ее пределами. Более того: найденные нами материалы дают право установить, что регулы 1741 г. применялись не только в суконной промышленности, но и на полотняных фабриках.	—мышленность, но и за ее пределами, в частности на полотняных фабриках.
7	14 „	высочайшее такое	Таковое высочайшее.
8	30 „	и сын Игнатий	и сын его Игнатий
10	26 „	Колмыков	Калмыков
11	24 „	узнать не мог. По моему об'явлению	узнать не мог,—по коему об'явлению
20	1 снизу	Ежегодник Владимирского Губернского Статистического Комитета	Ежегодник Владимирского Губернского Статистического Комитета. т. III, 1880 г., стр. 234.
21	3 сверху	на 7500000 р. сер. „О особенного	на 7500000 р сер., „особенного
23	12 „	набойщиков. Испугавшись	набойщиков. чего испугавши
25	10 „	6000 п. по 2 р.	6000 п. по 8 р.

